

ВОСПОМИНАНИЯ РЯДОВОГО ДОБРОВОЛЬЦА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

Нарвский кавалер, офицер Северо-Западной армии, с-капитан Семен Смирнов, его жена и сын.

Генерал-лейтенант
К.К.Кондзеровский (Кондырев).

Письма с фронта:

В.В. Вальтер. "...Мы (наша рота) отошли от Ямбурга. Все части сбиты на очень коротком участке. Многие ночуют на снегу у костров. Пишу в бараке, где мы ночевали. В бараке, вероятно, человек пятьсот (500) – полутьма, непрерывно висит в воздухе брань, но мы умудрились спать. Последние дни были ужасны в смысле работы. Приходилось спать по 2, по 3 часа. Вчера спал перед самым отходом из Ямбурга с 11 до 1 дня.

Как развернутся события дальше – трудно представить, но я поражен гораздо больше, чем в ту войну, выносливостью и настроением солдат. Нет ни уныния, ни ропота, хотя люди измучены ужасно. В пехоте, в том полку, с которым я работал на левом фланге (вот где удирать пришлось), в ротах было человек по двадцать, и они на другой день атаковали красных – раз в 10–15 превосходивших их численностью.

Прости за почерк, пишу в полутьме на нарах, но хочу дать знать о себе, мои письма теперь ты будешь получать гораздо скорее, мы всего в 5-и верстах от Нарвы".

Я состоял добровольцем Северо-Западной армии в качестве простого солдата и служил в 5-м Островском полку. После ожесточенных боев у Ямбурга наш полк совместно с полками 2-й дивизии стал медленно отступать по дороге на Нарву.

Была глубокая осень - ноябрь месяц 1919 года; холодно и морозно. По пути находились деревни, занятые эстонскими солдатами. Нас не впускали в жилые помещения. Приходилось спать на открытом воздухе на морозе. Пригревал нас лишь огонь костров.

Уснешь крепко - смотришь: пола шинели и прогорела, а то и сапоги затвердевают от огня, а потом и лопаются. Хлеба печеного не давали, давали муку, из которой пекли на костре блины.

Вся дорога была забита передвигающимся обозом, как армейским, так и подводами многочисленных беженцев.

Когда подходили к Нарве, вышла какая-то заминка. Передавали, что эстонцы нас дальше не хотят пускать. Большевики нас не преследовали, так как фронт задерживали части нашей армии. Настроение стало самое унылое и гадкое. Питали надежду, что нам помогут англичане, а тут со стороны эстонцев продельвается какая-то пакость по отношению нас.

Наконец, начальство сговорилось с эстонцами, и прошли за проволочное ограждение, устроенное за время оккупации немцев, с электрическим током. При подходе к Нарве с первых жилых помещений раздались по нам несколько ружейных выстрелов. Офицеры пошли выяснять. Там стоял караульный пост эстонцев, которые сказали, что стреляли по нам какие-то мальчишки. На том дело и остановилось, не расследовали, не до того было.

С угрюмыми мыслями шли, лишь бы скорее дали место, где могли бы иметь расположение. Вошли в Ивангород. Нас расквартировали в помещениях рабочих бумаго-прядельной и суконной фабрик. Отдохнув немного, полк получил распоряжение отправиться на позицию за дер. Долгую Ниву по направлению к реке Плюссе.

Позицию занимали в лесу. Красные постоянно делали атаки. Осыпали снарядами; вторая дивизия стойко отбивала. Были успехи; брали пленных, пулеметы, а Талабский полк захватил 5 орудий. Нарву красным не удалось взять. Большевицкий бронепоезд пуская снаряды по Нарве. В лесу жили в землянках, покрытых еловой чащей. Было очень снежно. В землянки занесли тиф. Каждый день стали заболеть солдаты, и полк численно убывал.

Обратно вернулись в Ивангород. Тиф быстро делал свое дело. Все заболели. Рабочие также. Много умирало. Перед Рождеством заболел и я. Отправился на полковой медицинский пункт. Меня отправили в полковой лазарет, помещенный на одной из окраинных улиц. Я нашел там около двадцати больных, которые лежали на полу, застланном соломой. Жуткая картина. Из числа помещенных здесь за сутки умирало, по крайней мере, по пяти человек. На место умерших прибывали новые. И так каждый день.

Тяжело показалось лежать в этом лазарете. Я болел возвратным тифом. Почувствовав облегчение, бежал. Мне указали на суконную фабрику, в помещении которой болела 2-я дивизия. Во втором этаже лежало несколько сот тифозных. Лежали на грязном полу, без всякой подстилки и, как я узнал, в таком порядке: с входа направо больные Семеновского полка, затем Талабского, Островского и Уральского. Для нашего полка были устроены пары, не из ровных досок, а из полукруглых.

Для меня нигде не находилось свободного места; пришлось забраться под пары. Плоховато было. Я дней пять так пролежал. Сыпалась грязь. Потом мне кто-то указал запять место на парах одного умершего. Бока болели от этих полукруглых досок, которые еще и не соединялись вплотную. Под застилку служила шинель и она же одеялом. Многие больные, пролежав так некоторое время, получали на своем теле большие красные пятна - пролежни.

Ухаживать за больными некому было. Медицинский персонал тоже тифом не был пощажен. Приставленные служители или санитары, выздоровевшие от тифа солдаты, к своим обязанностям относились халатно. Да, по правде сказать, больных имелось очень много, и малочисленные санитары не в силах были всем помочь. Смертность была громадная. Каждый день выносили несколько мертвых. Их складывали внизу у входа в сарайчик или просто бросали у дверей. Выходишь на улицу - 15-20 трупов сложены один на другой в кучу. И так, начиная с конца декабря, весь январь, февраль месяцы 1920 года. Каждый день.

Под влиянием болезни ум как-то помрачился, на все это гляделось равнодушно. Или привыкли видеть каждый день это зрелище. Не было того впечатления и сожаления к умершим. Как вспомнишь сейчас - один ужас. Больные валялись в нижнем этаже. В таком же количестве, как и наверху. И вот отовсюду мертвых сносили в одно место. Трупы лежали целые дни на виду у всех, покуда автомобили не отвозили их на кладбище.

От тифа были свои страдания, но к этим страданиям присоединялись еще большие - вши. Не было никакой возможности с ними бороться. Некому было заботиться о том, чтобы у нас имелось чистое белье. Я лично не сменял белья весь январь, февраль месяцы, да и все также. Вши развелись в таком количестве, что нужно было их сгребать горстью с себя и отбрасывать в сторону. Истребляй сколько угодно - сейчас же появятся новые в еще большем количестве. Тело расчесывали до крови. Больные от постоянных укусов не имели ни покоя, ни сна - совсем измучились. Только разве в бреду забывались эти паразиты.

Пища выдавалась не по диете. Американское сало - на него и глядеть никто не мог. Точно было ко рту подносить. И еще селедки. Ели только суп. К кухне за пищей нужно было выходить на улицу. Больным это было крайне тяжело. Пока изнуренные тифом дойдут и станут в очередь, сколько раз промелькают черные точки, или остановишься минуты две - в глазах станет совершенно темно, а тут еще холод, ветер. Больным, которые не могли сойти с места, пища приносилась санитарями, или вовсе не приносилась. Кипяток готовили часто. Его получали тут же наверху. Самое большое утешение приносили местные торговки, продававшие лимонад, правда, часто несвежий, яблоки и клюкву. Кто имел деньги, жадно набрасывался на приносимое. Все хотели есть или пить только кислое.

Первое время плохо обстояло с уборной. Она была загрязнена до невозможности. Люди падали. Большинство больных и с места не могло двигаться. И так лежали целые месяцы. Начальство нас редко навещало. Полковое офицерство было в тифу, только несколько раз посетил генерал Дзержипский. Почти ежедневно приходил наш полковой священник отец Евфимий. Оставшиеся в живых с благодарностью вспоминали отца Евфимия. Своим кротким голосом, своими утешениями он нас постоянно ободрял. От него мы принимали причастие. Часто раздавались в фабричном помещении его священные песнопения. Он всегда приходил со своим псаломщиком. Нам, ожидавшим смерти, было очень умильно слушать молитвы и как-то легче становилось на душе.

Больные часто стонали. В бреду многие постоянно разговаривали, пели песни и плакали. Некоторые раздевались и нагими, без сознания, бегали по фабричным помещениям, прыгали на стены, искали выхода на улицу. Их гнали обратно на свои места. Они ругались, кричали. Грустно было смотреть на умирающих. Вытянувшись, они постоянно шептали что-то губами, поднимали руку кверху и что-то ловили пальцами. А потом испускали свой последний вздох...

... Тут на Нарве Северо-Западная Армия окончательно погибла. Половина солдат стала жертвой тифа. Я вспоминаю о тех местах, где сам был очевидцем, а ведь вся Нарва была в тифу. Из всех госпиталей, находившихся в Ивангороде, самой ужасной славой пользовался устроенный в крепости. Там госпиталь в каком-то подземелье. Как рассказывал один доброволец солдат, вырвавшийся оттуда, на фабрике была благодать и много света, а там всегда темно, горел лишь тусклый огонек, сырость, грязь. Мало, кто вышел оттуда. Трупы лежали у входа в подземелье целыми горами...

Нарвский Воскресенский собор (1919 год).

Иван Савин. 1924 г.

Брату Борису

Не бойся, милый. Это я.
Я ничего тебе не сделаю.
Я только обовью тебя,
Как саваном, печалью белую.

Я только выну злую сталь
Из ран запекшихся. Не странно ли:
Еще свежа клинка эмаль.
А ведь с тех пор три года канули.

Поет ковыль. Струится тишь.
Какой ты бледный стал и маленький!
Все о семье своей грустишь
И рвешься к ней из вечной спаленки?

Не надо. В ночь ушла семья.
Ты в дом войдешь, никем не встреченный.
Не бойся, милый, это я
Целую доброй ислаской